

Курамшина Ю.В., Лыкова Н.Н.

УДК 930.8

**ПОИСК ДУХОВНОГО ИДЕАЛА В ХРИСТИАНСКОМ КУЛЬТУРНОМ МИРЕ
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА****(на материале памятников фресковой росписи XIII–XIV вв.)**

Культура средневековой Таврики формировалась в зоне наиболее интенсивного пересечения западной и восточной культуры. На период высокого Средневековья приходится здесь формирование и развитие фресковой живописи – одного из ярчайших явлений в истории украинской культуры. Целью данной статьи является попытка раскрыть особенности монументальной живописи Крыма XIII–XIV вв.

Европейская культура раннего Средневековья формировалась на основе нескольких компонентов – античного наследия, сохранявшегося даже в самые мрачные времена, традиций германских народов и, особенно, христианского вероучения, которое и явилось духовной доминантой эпохи. Носителем идеи единого христианского мира после гибели Римской империи стала Византия. В X в. она считалась совершенным государством, а ее столица Константинополь – самым блистательным культурным центром во всем христианском мире. Главными критериями самосознания Византии выступали правильно славящая Бога (православная) вера, высокий уровень цивилизации, который демонстрировался в стиле жизни, преэминентность по отношению к Риму, понимаемому варварами как синоним порядка и организации в вопросах жизни и религии.

О византийском влиянии на культуру средневекового Крыма в научной литературе сказано немало [например, 1–7]. Оказавшись в сфере интересов Византии, раннесредневековая Таврика стала не только ее военно-политическим партнером, но также начала сближаться с ней в идеологическом и культурном отношении. Империя прилагала немало сил и средств, чтобы распространить христианство среди союзных ей варваров. Легенда о путешествии апостола Андрея Первозванного из Синопии и Корсун (Херсонеса) по великому торговому пути «из варяг в греки» в I в. свидетельствует о понимании христианства как объединяющей силы. Уже в начале IV в. в Херсонесе христианские миссионеры окропляли святой водой обращенных в новую веру язычников, имея за спиной блистающую доспехами имперскую пехоту. Проникновение новой религии несло гибель языческим богам, совершало поворот не только в сознании, но и в образе жизни многих людей, порой мучительно, через глубокие душевные борения расстававшихся со старым языческим прошлым. Мир и система ценностей обрели теперь новый порядок и иерархию, выстраиваемые на основании Библии. Христианство подняло человека над уровнем индивидуального бытия, придало смысл его земной жизни. Духовный переворот, им произведенный, изменил мироощущение и мировосприятие жителей средневекового Крыма.

Следует подчеркнуть, что даже в III–IV вв. знакомство с христианством широкого круга народов не означало его всеобщего принятия. Сохранившиеся до наших дней крымские храмы-базилики предназначались не столько для истинно верующих (таких среди варваров первоначально было немного), но прежде всего для *обращения* язычников в новую веру – на это дальновидные византийские правители денег не жалели.

Все перипетии становления новой религии переживал и Херсонес Таврический. Его начальная церковная история скрыта в тумане противоречий и недомолвок письменных источников. Важнейший из них – «Жития св. епископов Херсонских» – описывает деяния первых епископов города в IV в., принявших мученическую смерть от рук местных язычников из числа «эллинов» и иудеев. Первый из них, легендарный Василей (Василий), станет патроном города. В его честь херсонеситы позднее выстроят храм и воздвигнут памятный столб с крестом на месте его гибели. Но массовое крещение жителей города и официальное принятие их в лоно Церкви состоится не ранее 385 г., в правление императора Феодосия I (379–395 гг.), покончившего с языческими храмами и жречеством и передавшего их имущество церквям. Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что насаждение христианства происходило при участии войск. Присланный для этого из Константинополя епископ Капитон при поддержке отряда из 500 воинов во главе с «начальствующим» Феоном, приехавшим в Херсонес на жительство со своей родней, делали все возможное для того, чтобы город стал твердыней христианства в этом краю. В данный период упоминаются в «Житиях» купель для крещения херсонеситов и храм по соседству с ней, возведенный и освященный во имя первверховного апостола Петра [5, с. 68].

Для Херсонеса была характерна смешанная языческо-христианская символика, получившая в дальнейшем широкое распространение на территории Юго-Западного Крыма (например, узор храма «Донаторов» близ Эски-Кермен или узор храма «Успения»). Это было связано с тем, что в погребальном обряде христианами использовались двойственные по смыслу языческие символы и отсутствовали какие-либо исключительно христианские черты в надгробиях и инвентаре могил. Ярким памятником такого рода является роспись храма «Трех всадников» близ Эски-Кермен. В росписях храма значительное место занимают гирлянды из листьев лавра с лентами. Гирлянды являлись излюбленным сюжетом росписи в живописи античного мира с архаического периода, о чем, в частности, свидетельствуют боспорские склепы, в которых они составляют существенный элемент орнаментики. Исходя из этого, можно заключить, что данный декоративный мотив (как, впрочем, и многое другое) был заимствован из традиций античной живописи. В этом отношении показательны некоторые орнаментальные детали росписи алтаря (Рис. 1) и дуги аркосолиев (Рис. 2) северной стены храма «Донаторов», украшенные тончайшей гирляндой листьев лавра. Эта типичная античная символика была переосмыслена христианами и наполнена новым содержанием: гирлянды из листьев лавра, цветы и деревья символизировали обстановку царствия

небесного или рая, в котором пребывал благочестивый христианин после смерти. А частые изображения цветка розы, вероятно, отражали представление о том, что в раю праведники проводят жизнь в тени розовых деревьев.

Рис. 1. Геометризованный растительный орнамент в храме «Донаторов». Схема росписи по О.И. Домбровскому

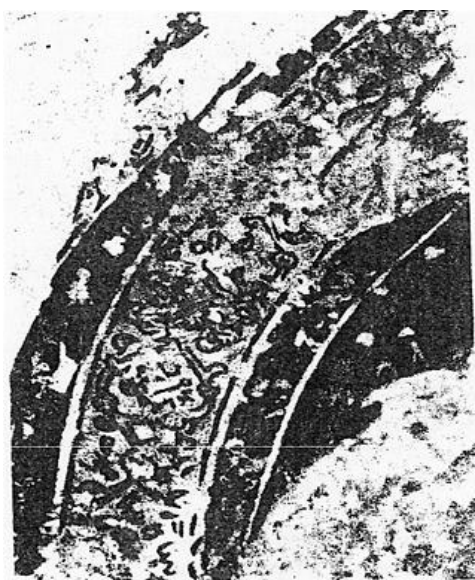

Рис. 2. Орнаментальное обрамление аркосолия в храме «Донаторов». Схема росписи по О.И. Домбровскому

Если изображения лозы, листьев, гроздей винограда в античной мифологии были связаны с культом Диониса, то в греческом христианском искусстве изображение лозы и винограда отождествлялось с Христом и Церковью (например, растительные орнаменты храма «Донаторов» – Рис. 3).

Рис. 3. Мотив стилизованной виноградной лозы в росписи храма «Донаторов». Схема росписи по О.И. Домбровскому

Птицы – символы души, клюющие виноград, символизировали идею о плодах божественного учения и связи с таинством Причастия. Также птица символизировала невинность и чистоту, т.к. именно голубь после всемирного потопа возвратился в Ноев ковчег с ветвью оливкового дерева в клюве и тем самым дал понять, что Бог сменил свой гнев на милость. Птица издавна была символом мира, а мир в представлении христиан отождествлялся с раем. Кроме того, как отметил в своем специальном исследовании А.С. Уваров, птица символизировала не только человеческую душу, но и возвышенный полёт души как праведника, так и мученика [10, с. 2-3]. Ее изображение часто соседствует с сосудом или канфаром, являвшимся главным символом таинства Причастия и вкушения учения Христа. Таким образом, элементы античных росписей нередко встречаются в росписях более позднего времени, но наполнены они уже совершенно иным значением.

Диалог с Византией способствовал не только обретению духовного идеала, но и изменению условий для развития культурного творчества. Доминантой его становится православие, единой темой – духовность человека и основополагающие христианские ценности – любовь к ближнему и милосердие, способность нести страдания и жертвы во имя веры, соборность и смирение. Среди этих ценностей одно из главных мест занимает постижение Бога как абсолютной мудрости (Божественная софийность) и абсолютной красоты. В результате в культуре ярко проявилась тесная взаимосвязь символа, слова и изображения.

Картина мира средневекового человека строилась на основе понимания мира как Божественного порядка. В рамках этого понимания выстраивалось представление о пространстве и времени, жизни и смерти. Весь мир виделся как творение Бога – Он был тем центром, вокруг которого сосредотачивалось все остальное пространство. Человек рассматривался как высшее творение Бога. Однако христианский антропоцентризм базировался на идее божественного космоса (а не природного, как в язычестве). Человек получил новую «систему координат» для своей жизни, которая рядом с привычным земным миром создавала «иной», небесный мир. Если в языческие времена природа была равноправным участником человеческой жизни, то теперь она рассматривается как символ Божественного образца. И природа, и человек – символы Божественного Провидения. Человек призывался искать истину не там, где существует, а там, где он личность. Личность же обретала подлинную опору в постижении Бога через совершенство духа.

Христианство по-новому трактовало пространство. В реальной жизни оно было строго замкнуто рамками места (город, монастырь, сельская община). Но этот маленький мир жил очень насыщенной жизнью, ибо пространство земное поглощалось пространством небесным, создавалась теоцентрическая модель единого Божественного мира. Символ этого единого пространства – круг (что означает совершенство), в центре которого – Христос Пантократор. В искусстве христианства не используется прямая перспектива, ибо пространство здесь есть абстракция, символ божественного единения мира. В XIII–XIV вв. данная идея нашла свое отражение во фресковой росписи Крыма. Так, в храме Южного монастыря Мангупа следует обратить внимание на наличие на сводах четырёх склепов изображения лаврового венка, в центр которого в ряде случаев была вписана монограмма Христа в сочетании с греческими буквами «Α» и «Ω» («альфа» и «омега»). Значения этих неоднократно встречаемых букв рядом с монограммой Христа хорошо иллюстрирует известная фраза из Апокалипсиса, где сказано, что Бог – это альфа и омега, начало и конец всего. Подобная монограмма в росписи христианских склепов Херсонеса изображена в венке, который у ранних христиан являлся наградой святым и мученикам. М.И. Ростовцев полагал, что такое изображение свидетельствует о желании оказать погребенному особые почести [8, с. 80]. Монограмма «X» и «P» в венке встречается не только в монументальной росписи, но и на стенках христианских мраморных саркофагов IV–V вв., где она заменяла портретные изображения героизированных умерших, обычные для античной эпохи. Портрет умершего в венке («венец победителя») отражал древние представления о том, что человек, посвящённый в таинства, приобретал силу побеждать смерть. Изображение венков с монограммой Христа на сводах херсонесских склепов следует рассматривать в тесной взаимосвязи с более ранними представлениями о героизации умерших, нашедшими в христианской религии адекватную форму, которая выразилась в причислении к лику святых простых смертных и мучеников, рассматривавшихся Церковью в качестве христианских героев. Так, во фрагментах фресковых росписей храма Южного монастыря Мангуп-Кале также присутствует лавровый венок, обрамляющий «процветший» крест с монограммой Христа (Рис.4).

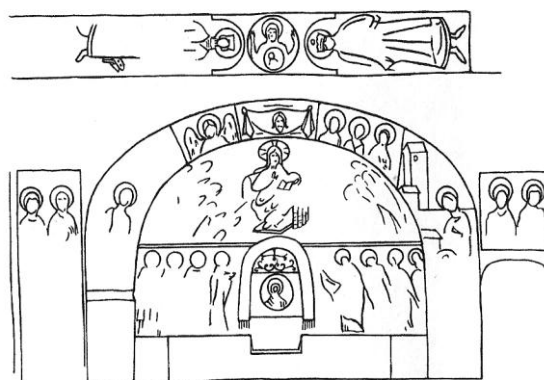

Рис. 4. Мангуп-Кале. Восточная часть храма Южного монастыря.
Схема росписи по О.И. Домбровскому

В Новом завете, как и в языческой традиции, венок являлся символом Венок – это круг, а круг в представлении ранних христиан символизировал вечность и бессмертие. По словам отца церкви Климента Александрийского (ок. 150–ок. 215 гг.), Сын Божий – бесконечный круг, в котором сходятся все силы [5, с. 60–61]. Поэтому изображения венков из лавровых листьев, окружавших монограмму Христа, следует интерпретировать в качестве христианской формулы «в мире Христа» и символа Царствия небесного, куда попадал истинно верующий после смерти. Весь потолок погребальной камеры, украшенный гирляндами и монограммой Христа в венке, вне всякого сомнения, символизировал небесный свод, мировой космос,

вселенную, великий символ, который, в частности, нашел адекватное отражение в средневековой фресковой росписи.

Христианская культура меняла отношение человека ко времени. Если язычество трактовало время циклично, как повторяющийся годичный круг (весна, лето, осень, зима), то христианство этот круг «разомкнуло»: трактовка времени становится эсхатологической, а время – линейным. Его отсчет начинается с сотворения мира и завершается Апокалипсисом. В новом понимании времени – три момента: начало, кульминация, завершение.

Таким образом, определив человека как высшее творение Бога, христианская культура наделила его новым пониманием жизни, дала ему право свободного выбора между добром и злом в рамках Божественного Провидения. Новое понимание мира и своего места в нем жители средневековой Таврики отразили во фресковой росписи, немногочисленные образцы которой сохранились до наших дней. Процесс проникновения и утверждения христианской идеологии на территории раннесредневековой Таврики был длительным и сложным. Ему предшествовал длительный переходный период постепенного отказа от привычных языческих культов, период «умирания» античных богов, на протяжении которого имело место сосуществование старых, унаследованных от дедов и прадедов религиозных представлений и нарождавшейся новой христианской идеологии, заимствовавшей и приспособившей к своим догматам многое из достижений античной мысли.

Источники и литература:

1. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма / А. И. Айбабин. – Симферополь : ДАР, 1999. – 352 с.
2. Герцен А. Г. Пещерные города Крыма / А. Г. Герцен, О. А. Махнева. – Симферополь : Таврида, 2006. – 201 с.
3. Завадская И. А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV – VI вв.) / И. А. Завадская // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2003. – Т. 10.
4. Зубарь В. М. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси / В. М. Зубарь, Ю. В. Павленко. – К. : Наукова Думка, 1988. – 208 с.
5. Зубарь В. М. У истоков христианства в юго-западной Таврике : Эпоха и вера / В. М. Зубарь, В. М. Сорочан. – К. : Стилоз, 2005. – 185 с.
6. Зубарь В. М. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI вв.) / В. М. Зубарь, А. И. Хворостяный. – К. : Ин-т археологии НАНУ, 2000. – 180 с.
7. Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики / А. Л. Якобсон // Советская археология. – 1954. – № 34.
8. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России / М. И. Ростовцев. – М. : Наука, 1959. – 470 с.
9. Уваров А. С. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя / А. С. Уваров // Прописи. Сборник по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. – М., 1854. – Кн. 4. – Отд. 1. – С. 525-537.
10. Уваров А. С. Христианская символика / А. С. Уваров. – СПб. : Алетейя, 2001. – 256 с.

Курьянова И.А.

УДК 008:130.2:004(714)

КОКТЕБЕЛЬСКИЙ ДОМ ПОЭТА М. ВОЛОШИНА В КУЛЬТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Времена не выбирают, и нам, как когда-то художнику, поэту и философу серебряного века Максимилиану Волошину, выпало жить «во время перемен», и, так же, как и ему, в благословенном и прекрасном Крыму.

Кризисное время рождает у поэтов и философов желание не только осмыслить и понять, не только найти способ жить и творить, но, главное для людей такого склада – научить других жить в этой ситуации, жить, не теряя человеческого достоинства. В условиях, когда неизвестно «сколько ночи» (Библи.) еще впереди, главное – дать человеку «возможность находить звезды и ориентироваться по ним», так считал немецкий философ М. Вебер, небезосновательно полагая, что временная нестабильная ситуация может оказаться постоянной для жизни целого поколения. Поэтому опыт жизни поколения, прошедшего с честью испытание кризисом, «поколения рубежа» (А. Белый) конца XIX – начала XX веков, чрезвычайно актуален для нас сегодня.

Яркой звездой на небосклоне серебряного века сияет имя нашего земляка Максимилиана Александровича Волошина. Сам он небезосновательно считал себя «гражданином мира», но любовь к Крыму и Коктебелю стала определяющей и в формировании личности, и в жизнетворчестве поэта-философа.